

— После летнего перерыва пришло письмо от Димы, печальное и торжественное. Оно более других предыдущих похоже на проповедь.

Ленинград, 26 августа 1978 г.

Дорогой Сашок!

— Август у меня был весьма печальный. Не успел я приехать с Каспийского моря, где провёл середину лета, как один за другим мною похоронены трое людей. Двое из них - мои близкие друзья последних лет. Одного из них ты, возможно, и помнишь. Это Юра Логачёв. Знакомые с самого поступления в Университет, последние лет 10 мы встречались почти еженедельно и очень любили друг друга (1). Смерть его была страшная, в горах (он был альпинистом). Долго искали тело, долго везли в Ленинград то, что от тела осталось, позавчера похоронили. Осталась жена, двое детей. На поминках было около 100 человек. В маленькой квартире мы все плотно друг к другу стояли. Все, любившие его. Были и официалы: какие-то альпинистские старикашки, молодой выскочка - директор НИФИ, говорили что-то не от сердца. Как всё это разнится от церковных поминок. Над всем веет дух бессмысленной безнадёжности. Хотя в такие именно минуты дух веры стучится в людские сердца. Всё дело в любви.

— (1) Логачёва я помнил, но о его близости с Димой я не знал, и вряд ли она была до моего окончательного отъезда из Ленинграда. Значит 10 лет - цифра приблизительная, скорее 9-8.

— Любовь и смерть. Раны любви, которые лечат лишь время, вера и надежда. Лично для меня сама смерть близкого человека есть источник не только горя, но и сладкой надежды. Если бы отвратительная смерть была явлением механически закономерным, необходимым, естественным и должным, как мне это пытались вдолбить со школьной скамьи (разумеется, не прибегая к несуществующим логическим аргументам: просто пытались именно вдолбить, заставить уверовать в смерть, потому что смерть - их истинный бог, идол), - если бы это было так, то и воспринималось бы это зло, как нечто безразлично-естественное, закономерное, этически и эстетически нормальное, как дождь или солнце, как улыбка или засыпание ... Но нет: человек испытывает панический ужас перед смертью, отвращение к безжизненному трупу, горе от смерти близкого иногда бывает безмерным, сводит с ума... К закономерному, нормальному и естественному так не относятся. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что это дьявольское зло незаконно, ненормально и неестественно (как и всякое зло). Смерти не должно быть. Естественный богоустановленный порядок - не смерть, а жизнь. И этот порядок, нарушенный злом, восстановлен самим Добром в воскресении Одного, призвавшего к совоскресению с Собою всех. Так будет. Так есть. Есть только одна истина - жизнь. В неё я верю. Смерть - ложь. В неё я не верю. К жизни же ведёт только один путь - воскресший Богочеловек, Который Сам назвал Себя:

— "Аз есмь Путь, Истина и Жизнь".

— Тайна жизни и смерти недоступна научному изысканию. Столь же глубокая тайна, как тайна материальной действительности. Неудивительно, что испокон века люди называли элементы материи и жизни одним и тем же словом: а-том (по-гречески), индивидуум (на латыни), т.е. не-делимое, не-разложимое. Неразложимое логически, неразложимое субстанциально. Знаменитая теорема Лейбница о бессмертии души зиждется именно на этом "свойстве" жизни, на её атомарности.

— В одной из своих глубоко религиозных работ Макс Борн, указывая логические и экспериментальные пределы в биологических исследованиях, уравнивает элемент жизни с

далее неразложимым элементом действия h . Принципиальная заквантованность и невозможность анализа жизни оставляет место лишь двум мыслимым путям её "судьбы": либо ("чудесная") аннигиляция в ничто, либо ("чудесная") трансформация (преображение) при сохранении субстанциальности. Но всё это оставалось бы чисто умозрительной игрой, никого ни к чему не обязывающей, если бы не исторический факт Воскресения Христова, засвидетельствованный множеством людей. Нет никакой логической и психологической возможности упрекать во лжи потрясённых свидетелей этого события. Если мы оставим в стороне трёх синоптиков, о чьих евангелиях в науке идут споры об авторстве и времени написания, то у нас всегда останется евангелие от Иоанна и письма апостола Петра. Об авторстве первого нет сомнений даже у радикальнейшей критики. Психологические же особенности книги у неозлоблённого и непредубеждённого человека не могут вызвать сомнения в правдивости написанного. Да что говорить! Какое сердце надо иметь, чтобы бросить камень в такую книгу! Чему же тогда и верить, или кому тогда верить? Для меня убедительность свидетельств очевидна. Остаётся только проверить всё лично на практике, что вполне доступно в Церкви. К сожалению, людям далеко не всегда нужны засвидетельствованные факты и личный опыт, часто им нужны какие-то немислимые "доказательства". Это всегда печально и смешно.

___ В 1790 г. возле одного французского городка упал большой метеорит. Мэр города составил докладную записку в Парижскую Академию, подписанную 300 свидетелями события. Благодарны ли были господа академики за сообщение? Ничуть. Немедленно был выпущен трактат "Об абсурдности мнений о падении камней с неба", а также предприняты срочные меры по прекращению столь постыдных суеверий. Музеям было предписано, дабы не становится посмешищем в глазах передовых людей обновленной революционной страны, выкинуть из своих коллекций все якобы упавшие с неба камни. Один академик заявил: "Если бы даже такой камень упал к моим ногам, и я был бы вынужден это признать, я всё равно в это не поверил бы". А другой добавил: "Подобные факты лучше отрицать, чем опускаться до их объяснения".

___ Не о таких ли Господь сказал: "Мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали... И оправдана премудрость всеми чадами её". Премудрость века сего, - им же она была и посрамлена, как глупость и ослепление.

___ "По ком звонит колокол? Не спрашивай: колокол звонит по тебе". Это не сентиментальный всхлип и не поэтическая метафора. Это тайна Евхаристии, это истина вечности жизни всех в Одном.

Вот такие у меня дела и настроения. Огромный привет Сашуле.

Целую, Дима.

P.S. Поздравляю с началом нового учебного года.

___ Вскоре пришло ещё одно письмо.

___ Ленинград, 6 сентября 1978 г.

Дорогой Сашок!

___ За последний месяц я понёс третью тяжёлую утрату. На сей раз, правда, число скорбящих далеко превышает узкий круг знакомых. Вчера умер в Риме наш владыка Никодим, митрополит Ленинградский и Новгородский, Экзарх Западной Европы, президент Всемирного Совета Церквей, магистр богословия и многая другая. Возможно, ты слышал подробные сообщения об этом по радио. Он уехал в Рим месяц назад, получив сообщение о смерти Павла VI. Присутствовал на погребении, на интронизации нового

папы. Вчера ему была дана папой личная аудиенция в помещении библиотеки папского дворца. Сначала выступил с речью приветствия владыка митрополит. Я как наяву слышу его прекрасный, глубокий, с небольшой хрипотцой голос. Затем заговорил папа. Никодим стоял, поднявшись с кресел. Би-Би-Си сообщает, что он вдруг стал склоняться вперёд и упал ниц к ногам папы. На самом деле это было немного не так. Архимандрит Лев - молодой человек, сопровождавший владыку, стоял рядом, но так, что не видел последнего (он звонил по телефону после всего этого и рассказал подробности). Он глядел на папу и вдруг увидел, как во время речи глаза папы стали расширяться в испуге. Обернувшись, он увидел, как владыка медленно опускается в кресла, немного сникает и... это был конец. Папский врач прибежал через пару минут, но пульса уже не было. Папа прочитал над покойным разрешительную молитву.

— 49 лет жизни великого человека. В Церкви с его уходом ушёл целый этап. У нас 40-дневный траур.

— Сегодня в Рим вылетели Кирилл Выборгский и м. Ювеналий Крутицкий и Коломенский. Тело на зафрахтованном самолёте привезут 8/IX прямо в Ленинград. Погребение состоится в воскресенье 10-го. Предполагали, что хоронить его будут в крипте Троицкого собора (в подземелье), но после выяснилось, что он завещал хоронить себя в открытом месте, чтобы люди всегда могли приходить к его могиле, когда им захочется. Мы надеемся, что исполком разрешит похоронить его за собором на Никольском кладбище в его монашеской части, там, где лежат проф. Болотов и м. Антоний (Вадковский).

— На отпевание, конечно, соберётся множество отечественных и зарубежных архиереев, будет и патриарх; разумеется, - половина посольств и множество частных лиц отовсюду. Никодим завещал хоронить себя не архиерейским, а малым монашеским чином в простой чёрной рясе. Думаю, что в Риме его тело набальзамируют, но дозvoлят ли открыть гроб, - не знаю.

— Владыка страшно любил прекрасные, полные пышного величия соборные службы (хотя знал толк и в скромных келейных молитвах). Его богослужения были всегда отрадой и великим праздником для всех молящихся, достигая вершин особой стильной виртуозности и церемониального искусства. Конечно, служащим (священникам, диаконам, певцам, чтецам и т.п.) приходилось при этом нелегко. Недавно ему кто-то в полшутку говорил, что трудно физически выносить эти роскошные службы. "Потерпите еще немного, - отвечал митр., - последняя ваша служба со мною не займёт у вас много времени". Так он и завещал.

— Его кончина возле престола Петра была воспринята всеми как явление провиденциальное. Об этом будут ещё много говорить и писать. Дух Рима в самом расширительном и в то же время очень конкретном смысле владел этим человеком в его характере и во всём его поведении.

— Кто заместит его место на этой, столь возвышенной им кафедре, не знаем. Это дело Синода. 9/IX - день тезоименитства Пимена. Обычно накануне этого дня бывает заседание Синода. Возможно, в воскресенье мы уже узнаем имя своего нового епископа. Собственно, кандидатур мало: Алексей Таллинский, Филарет Берлинский, Никодим Харьковский и столь желанный нами, но имеющий мало шансов Кирилл Выборгский. Но кто сможет заместить его в сердцах тех, кто близко его знал?! Что этот человек означал для меня лично, - возможно, я тебе рассказывал.

— Сколько легкомысленной и злобной хулы и здесь и за границей, сколько подострастной и искренней хвалы пришлось ему выслушать в свои последние 15-20 лет? Фактом останется одно: пока равных ему в нашей церкви нет.

— Вот какой печальный мне выдался месяц.

— Большой привет Сашуле, целую, Дима.

— Не буду комментировать эти письма, тем более, что не помню сейчас, как отвечал на них. Разговор мой с Димой вскоре завяжется, с этих писем начался период (длившийся около трёх лет) интенсивной переписки, которая сама по себе достаточно красноречива и вся приводится дальше, в соответствии с хронологией и вперемешку с описанием событий, тогда происходивших в моей жизни.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)